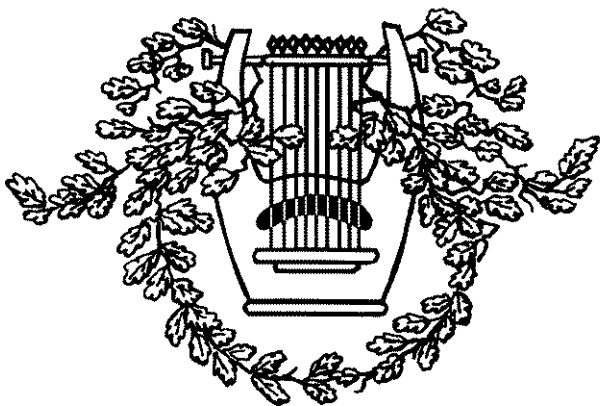

Две “Полтавы”

© Т. П. НЕСТЕРОВА,

кандидат филологических наук

В конце 1820-х годов к одному из судьбоносных сражений в истории Отечества – Полтавской битве – обратились два поэта (в это время судьба России становится главной темой их творчества): А.Ф. Мерзляков, критик, автор песен и романсов, создавший в 1827 году стихотворение “Полтава”, и Пушкин, опубликовавший в 1829 году поэму “Полтава”, о которой В.К. Кюхельбекер с неудовольствием заметил, что все, что “говорится о Полтавском сражении, можно приноровить и к Лейпцигскому, и к Бородинскому, и к сражению под Остерленкою, стоит только переменить имена собственные” [1]. Мало реальных примет исторической битвы можно наблюдать и в стихотворении Мерзлякова. Оба произведения сближает взгляд на освещение исторической темы. Фраза Петра I “За дело, с Богом!”, обращенная к соратникам и воинам во время битвы, становится основополагающей при постижении смысла, заложенного в поэму Пушкиным. Причины русской победы над шведской армией во главе с королем Карлом XII Мерзляков видит в том, что “в руке Творца всех битв судьбы”.

Пушкин показывает самодержца Петра I счастливым обладателем высшего благословения, он, как отмечает А.Л. Слонимский, “в поэме поставлен совершенно особняком, вне фабулы. Это вообще не персонаж, а олицетворенная идея, не человек, а полубог, изображенный теми же гиперболическими средствами, как цари и полководцы в старинной

оде” [2]. Поднимая самодержца над другими героями, поэт подчеркивает неординарность его натуры уже на уровне портрета, переданного с помощью контраста (“Его глаза Сияют. Лик его ужасен”), метафоры (“Он поле пожирал очами”), гиперболического сравнения (“Могущ и радостен, как бой”). Уподобление Петра I Божьей грозе (“Он весь, как Божия гроза”) подчеркивает высокий смысл действий русского царя, очищающего мир от зла.

Петр I целенаправленно противопоставляется в поэме Карлу XII, который символизирует зло, но не вселенское, космическое, а временное, обреченное на поражение. Если Петр энергичен и деятелен (“И он промчался пред полками”), то Карл XII “В качалке, бледен, недвижим <...> Вдруг слабым манием руки На русских двинул он полки”. “Поникнув головою, он скачет, русскими гоним” после сражения.

Антитеза положена в основу изображения русского воинства и его врагов и в стихотворении Мерзлякова. Враг “во мгле”, “покрова ищет у неверных”, “отверженец своей Отчизны”, “мнил Царям Европы дать закон”, “стыда бежал” [3]. Росс, напротив, освещен божественными истинами, его покровитель – Всевышний, волю которого он исполняет.

Мерзляков вводит образ небесного посланника – святого Александра Невского, по воле Бога представшего перед Петром и вещающего от имени Творца о будущем Отечества и восхваляющего дела самодержца. Пушкинское сравнение битвы с пахарем (“Как пахарь, битва отдыхает”) Мерзляков раскрывает через притчевую форму. С помощью исторических аллюзий, связанных с военными победами Александра Невского над шведами, автор возвеличивает Полтавскую битву и императора Петра, сознательно создавая переключку с евангельским сюжетом о сеятеле: “Сеющий доброе семя есть Сын Человеческий; поле есть мир, доброе семя – это сыны Царствия, а плевелы – сыны лукавого” (Мф. 13: 37–38). Автор соединяет значения слов “ратай” – ратник, воины, “оратай” – пахарь, земледелец, дополняя эмоционально-смысловую окраску слов. “Посол Небес” сравнивает дела Петра с трудами пахаря:

Благословен Твой путь и все Твои дела;
И семена, Твоей посеянны рукою,
Прияла юная и тучная земля! [3]

Если Александр Невский и Петр I под покровительством небесных сил, то их враги выступают как “сыновья лукавого”, чему способствуют определения недругов русского народа: “раб нужды”, “ехидна зависти”, “змий моря”.

Полтавская битва помогла России осознать свою мощь и духовную крепость, показала Европе необходимость с ней считаться. Эту мысль утверждает и Мерзляков:

О битва дивная! в тебе совершены
Отца Отечества надежды вожденны!
Основы наших благ в тебе положены;
Сто лет прошло: сто лет сражаем
И днесь плоды твои вкушаем.
Полтава! Ты славна средь градов земли,
Ты боле: ты свята для душ отчизне верных...

Незлобивость Петра в отношении побежденных шведов, его миролюбие обусловлены не индивидуальными чертами царя, а качеством, свойственным всему русскому народу. Однако Мазепе место "на плахе". Используя традиционное определение изменника *Иуда*, поэт наполняет его двояким значением. Если Отечество в этом сражении под Божьим покровительством, то поступок Мазепы направлен не только против государства, но и самого Бога.

Мерзляков подчеркивает, что русским, в отличие от Карла XII и Мазепы, триумф нужен не ради собственных целей, а во имя высокой миссии, которая открывается перед Отечеством после победы. "Жребий Росса", освященный Богом в сражении со шведами, дал возможность России "в собор Европы Царствий" войти, чтобы затем "в сонме Царств" встать на первый ряд во имя благородных идеалов – "Европе возвратить свободу, мир и благо".

Для передачи остроты накала боя Мерзляков обращается к отглагольным существительным ("Шум, вопли, ядер свист, щитов, мечей раженье"), Пушкин тоже использует их ("Бой барабанный, клики, скрежет, Гром пушек, топот, ржанье, стон"), обращается к синекдохе ("Швед, русский – колет, рубит, режет"), аллитерации ("Отряды конницы летучей, Браздами, саблями звуча, Сшибаясь, рубятся сплеча"), ритмический строй помогает ощутить панораму боя, в котором "И смерть и ад со всех сторон".

В стихотворении Мерзлякова описание битвы представляет собой одновременно картину ада и Апокалипсиса.

На земле вместе с людьми сражаются персонифицированные абстракции:

Здесь ратовало все: искусство, опыт, честь;
Терпение с дерзостью, с отчаянием твердость;
Спокойство с яростью, со благостью месть;
Умеренность с алчностью, с великодушьем гордость...

На небе борется "с слепой Фортуной грозный Бог".

Мгновенье страшное! – Две рати полетели;
Земля содрогнула, свод неба воспылал,
Как жерла медные повсюду заревели;

От молний ад разверзся вдруг, —
Но вскоре мрак всё скрыл вокруг!
Стихий бунтующих свирепое боренье! —
Кипящий бед раздор! — Пир гибели и зол!

Синтаксические конструкции с восклицательными и вопросительными знаками усиливают экспрессию.

Конструктивным элементом пушкинской поэмы является введение в сюжет образов соратников Петра I. “Сии птенцы гнезда Петрова”, “Его товарищи, сыны” названы лишь по фамилиям, но за каждой (“И Шереметев благородный, И Брюс, и Боур, и Репнин”) стоит историческая судьба России в лицах.

Если Пушкин обращается к сподвижникам Петра, то Мерзлякова интересуют “потомки со гнезда, вскормленного Полтавой”:

За Шереметевым и Меншиковым вслед
Текут торжественно Румянцов и Суворов;
Смоленский от Петра — преемник их побед...

Полтавская битва становится точкой отсчета для новых военных свершений. Метонимия, используемая Мерзляковым (“Чесма, Кагул, Синил, Хотин, Кульма, Люцен, Нови, Бородин...”), вводит Полтавскую битву в цепь великих сражений русской армии.

Литература

1. Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 88.
2. Слонимский А.Л. Мастерство Пушкина. М., 1959. С. 284.
3. Мерзляков А.Ф. Полтава. СПб., 1827.

Мичуринск

